

УДК 80(470+571)(084.121)(093.3)(092)Либан Н.И.+821.161.1-821
ББК 80г(2)д. Либан Н.И.+83.3(2Рос=Рус)1+84 (2Рос=Рус) (2Рос=Рус)6-4я44.
Л55

Составление и подготовка текста –
В.Л. Харламова-Либан

Комментарии –
Б.Н. Романов
(при участии В.Л. Харламовой-Либан)

Лекции Беседы Заметки

Либан, Николай Иванович.

Л55 **Русская литература : Лекции. Беседы. Заметки. Из архива.**
Слово о Николае Ивановиче Либане М. : Водолей, 2020. – ??? с.
ISBN 978-5-

В дополнительный, четвертый том издания наследия Николая Ивановича Либана (1910–2007), известного историка русской литературы XI–XIX веков, медиевиста, выдающегося лектора и педагога МГУ имени М.В. Ломоносова, многие десятилетия проработавшего на филологическом факультете, вошли записи и конспекты лекций разных лет, записи бесед, а также биографические материалы. Существенную часть книги, издаваемой к 110-летию со дня рождения Н.И. Либана, составили воспоминания его коллег и учеников.

Для студентов, аспирантов филологических факультетов, для всех, кто интересуется историей русской литературы и культуры.

УДК 80(470+571)(084.121)(093.3)(092)Либан Н.И.+821.161.1-821
ББК 80г(2)д. Либан Н.И.+83.3(2Рос=Рус)1+84 (2Рос=Рус) (2Рос=Рус)6-4я44.

ISBN 978-5-

© Н.И. Либан, наследница, 2020
© Д.В. Логинов, оформ., 2020

ной творческой энергией и жизнелюбием. Значительная часть таких людей была истреблена катком репрессий и войн 30–50-х годов XX века, меньшая, случайно уцелевшая, не поднимаясь на служебные высоты, ушла во «внутреннюю эмиграцию» и тихо делала своё великое дело Просвещения, Воспитания молодёжи, не давая совсем обрушиться Мосту великой русской культуры, связывающему поколения наших дедов и прадедов и нас, наших детей и внуков.

Это – уникальный Типаж – богато одарённый Человек, вобравший в себя ценнейшие традиции, знания, умения многих поколений своих предшественников, принадлежащих к генофонду разных социальных пластов (мелкопоместное дворянство, разночинские круги, высшее духовенство, французское дворянство, московское купечество и мещанство).

Это – Учёный-интеллектуал-энциклопедист с блестящим образованием, полученным в большей степени «самоуком».

Это – Педагог-психолог, вобравший в себя доброту, гуманизм, уважение к человеку, с жаждой внутренней честности, социальной справедливости, – т. е. тех качеств, которые воспитывала русская литература с седой древности и в светской форме – с середины XVIII века.

И третья мысль – заключительная: я уверена, что по этим трём томам, посвящённым памяти Н.И. Либана, можно и должно почти в доскональных подробностях изучить, понять нравы, мысли, мечты, возможности, жизненные устремления и таланты нескольких наших безвременно ушедших, погибших поколений русской интелигенции. Здесь же можно бесконечно черпать примеры благородства, бескорыстия, любви к Человеку и достойного служения Родине.

Николай Иванович Либан – ровесник Эпохи, её Мерило и её Судьба. Он прожил почти 98 лет, вобравших в себя все перипетии разрушения старой и становления другой, неведомой Миру ранее государственности, новой системы образования, новых идеалов, непривычных героев и антигероев. Он был страстным участником, философом-созерцателем и трезвым аналитиком всех этих процессов.

2019

В. И. Аннушкин

Н.И. ЛИБАН-СТИЛИСТ

Русская научная словесность не решила одну важнейшую задачу, «оче-видимую» невооруженным глазом: исследование индивидуального стиля научной речи, причем, не только письменно-печатной, зафиксированной в книжных текстах филологов-классиков, но и устной, относящейся к сфере академического, или преподавательского, красноречия. В этом смысле современный филолог-специалист, знающий и тонко чувствующий стилистическую разницу в стихах и прозе наших выдающихся художников слова, слабо представляет разницу между сочинениями Я.В. Толмачева и А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского и К.П. Зеленецкого, И.И. Давыдова и А.И. Галича, хотя здесь перечислены классики русской словесности – профессора университетов и лицеев. История русской филологии (не языкознания, а именно филологии через анализ имен и творчества ее важнейших представителей!) до сих пор не написана, между тем это как раз и было бы обращение к «антропологическому» (человеческому) фактору, определяющему и выбор идей, и ориентацию в словесном стиле научного изложения. Идея же человека, «становления личности» в ее мысле-словесном выражении, в сущности, – основная идея, сверхзадача, решаемая Н.И. Либаном в его научно-педагогическом творчестве.

Задача эта осознается современными учеными, но подойти к ней решительно не хватает ни времени, ни сил у тех, кто занят «концептами» и «дискурсами», «корпусной лингвистикой» – очень часто вдали от живого конкретного материала, связанного с «употреблением языка» конкретными личностями, своей писательской и лекторской деятельностью формировавшими определенный стиль жизни, стиль мысли, стиль речи. Так, несомненный интерес всегда будет вызывать в известной мере «антиномичная» Либану научная личность академика В.В. Виноградова: если Н.И. Либан – «гений уст-

ного слова», как его называет С.И. Кормилов¹, то В.В. Виноградов обессмертил себя постоянными книжно-письменными трудами: о методе и стиле В.В. Виноградова пытались писать многие его ученики,² в том числе автор данной статьи...³ При необычности образа научно-педагогического творчества и подчас полной противоположности методологии научно-педагогического труда (все пишут и только он не пишет, а говорит!) Н.И. Либан заслуживает не меньшего внимания: как и В.В. Виноградов, он «весь в стране словесного искусства»... Неизменно одно: оба поражают верностью своему облику («образу автора»), неизменной преданностью основной идее служения филологии как учению о русском Слове в самом глубинном и широком смысле.

Человек – это стиль. Влиятельная личность в науке, педагогике, любой сфере деятельности утверждает свой взгляд на предмет оригинальностью мысли, слова, поступка и всем образом человека, который в филологии определяется как **образ автора** (говорящего или пишущего, оратора или писателя). Реализация таланта, данного Богом, есть цель всякой личности, а личность и ее становление, бытие в историческом пространстве, прогресс и регресс нравственно-интеллектуальной природы человека как раз интересовали Н.И. Либана более всего. И свой талант этот человек реализовал вполне: последовательно, цельно, разносторонне.

Наше упоительное «зачитывание» напечатанными текстами Н.И. Либана – особенно для тех, кто слышал неподражаемые интонации его речи, подлинную «музыку русского слова» – связано со стилем его речи, хотя очевидно, что стиль

¹ Кормилов С.И. Гений устного слова // Либан Н.И. Русская литература: Лекции- очерки. Т. 1. М., Прогресс-Плеяда, 2014. С. 3.

² См., например: Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). // Редакционная коллегия: Ю.Н. Карапулов, М.В. Ляпон (отв. редактор), Ю.А. Сафонова (ученый секретарь), Н.И. Толстой, А.П. Чудаков, Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 9–15.

³ Аннушкин В.И. Индивидуально-авторский стиль академика Виноградова и его последователей // Но мы сохраним тебя, русский язык!: Коллективная монография, посвященная 90-летию академика Виталия Григорьевича Костомарова. М.: Флинта, 2020. С. 161–199.

речи – это только «слововыражение», которое является следствием стиля мысли, стиля поведения и, как сказано выше, образа человека в целом. Однако если встречают по одежке – о неизменной черной тройке и белой рубашке Либана высказано неоднократно, – то провожают по уму, выраженному в слове. Слово же Либана останавливало, завораживало, заставляло слушать, а мы знаем, сколь редки в ученой аудитории подлинные мастера ученого слова – того, что со временем Ломоносова называется **академическим красноречием**.

Стиль удивляет, поражает, несет новое (а все новое вызывает сопротивление – это закон риторики¹), но, как ни странно, новое Либана всегда было убедительно и согласно со взглядами тех, кто его воспринимал. Будучи способом воздействия, стиль – кроме воплощения мысли и реализации ее в слове, – предполагает наведение определенных эмоций, а эмоции в общении всегда речевые. Н.И. Либан в совершенстве владел искусством рождения в слушателях *рациональной эмоции*, связанной с передачей знания и образно-логическим содержанием речи.² После встречи с ним студент, как и любой слушатель, уходил обогащенный не только идеями, но в той сладостной душевной тишине, которая достигается воздействием нравственной мудрости.

Отечественная стилистика уделила много внимания фигурам писателей-авторов художественной литературы, анализируя стиль классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова, Булгакова – и это особенность русской ментальности: главным видом словесности для нас является художественная литература, между тем, если говорить о словесности шире (а словесность есть «совокупность всех словесных произведений» самых разных видов и жанров), то к воплотителям яркого индивидуального облика,

¹ Рождественский Ю.В. Теория риторики. / Под ред. В.И. Аннушкина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 41.

² См. также пояснение Ю.В. Рождественского: «Рациональная эмоция – самый сложный тип эмоции. Она воспитывается в людях с большим трудом, <...> вызывается оригинальным и полезным ходом мысли, простотой и эффективностью предложенных решений. Рациональная эмоция доставляет высокое наслаждение, лучше всего украшает речь, но, к сожалению, доступна далеко не каждому слушающему» // Рождественский Ю.В. Риторика публичной лекции. М.: Знание, 1989. С. 28.

стиля, образа деятельности нужно отнести и политика, и воина, и судью, и проповедника, и, конечно, учителя. Все они – носители так называемых «речевых» профессий и если анализировать деятельность той или иной влиятельной личности, везде мы столкнемся с «лица необщим выражением», обликом «человека известного склада» (Аристотель), оригинальным образом человека, который в христианской философии определяется как образ Божий – неповторимый союз духа, души и тела.

В риторике как науке и искусстве речи идея неповторимости человеческой личности воплотилась в термине «образ ритора (или оратора)» – индивидуальной совокупности внешних и внутренних проявлений человека в мысли и речи. Либан – именно такой воплотитель определенного стиля, реализуемого в неповторимом образе оратора. Открыть тайну этого стиля и образа личности можно только через вчитывание, вглядывание в то, как рождаются мысль и слово ученого-педагога, как происходит таинственное соединение ученого оратора и аудитории (помните ли, как у Чехова в «Скучной истории» старый профессор рассуждает, кто в нем победит: ученый – оратора или оратор – ученого?), каким это образом удается держать «этую непоседливую птицу – юношеское внимание», внимание слушателя (теперь – читателя) столь долгое время. Тема эта неподъемна для краткой статьи, поэтому высажем только некоторые предположения на основании размышлений над лекциями, которые автор этих строк слышит как «голос Либана».

Для тех, кто был знаком с Николаем Ивановичем Либанием, как и тех, кто вчитывается в тексты его лекций, очевидно, что он был таким образцом стиля, целенаправленно и тактично создававшим определенный образ мысли, слова и поведения в целом. Нашей стилистике не хватает сегодня как раз анализа таких индивидуальных стилей (идиостилей), под которыми подразумевается по преимуществу только совокупность средств выражения. Стилистика, оставаясь «наукой о языке в действии, или наукой об употреблении языка, фактов языка»,¹

все-таки анализирует язык (а, может быть, точнее сказать по-либановски, слово и речь) безотносительно к личности. Между тем именно от личности невозможно оторваться, когда мы «зачитываемся» как произведением художественной литературы, так и увлекающим нас «научным словом».

Очевидно, что необходим анализ «лучших стилистов» Земли Русской, к которым принадлежат всегда наиболее влиятельные и передовые деятели любой специальности, а филологии в особенности. Термин же «стилист», конечно, должен вызвать разногласия, поскольку под «стилистом» обыденное сознание понимает создателя определенной моды в одежде, макияже, прическе и т. д. Но в филологических трудах нет-нет да и промелькнет, что такой-то ученый или писатель был замечательным «стилистом». Поиску и предложению филологическому сообществу именно таких «положительных стилистов» надо отдать время и силы...

Основная идея лекционного творчества Н.И. Либана, или вопрос, который волновал его более всего, выражены словами Владимира Мономаха в «Поучении детям своим»: «что есть человек, яко помниши и», т. е. что такое человек, как подумаешь о нем?.. А далее у Владимира Мономаха: «и сему чуду дивуемся, како от персти созда человека, како образы различни в человеческих лицах...» Эти «разно» созданные и по-своему живущие «личности» и волновали Либана всю жизнь, точнее, поиск ими подлинной правды, научной и житейской истины, мудрости, красоты, счастливого устройства человеческой жизни.

И как Владимир Мономах пишет об «удивлении» или как в русских риториках писано о том, что учение должно «слушателя удивляти», так и читатель-слушатель Либана постоянно удивляется, будучи заинтересован, а заинтересован потому, что он постоянно слышит нечто неожиданно важное для осознания смыслов своего бытия. Литературная философия Либана в первую очередь **нравственна**, она **нравоучительна без нравоучения**, потому что лектор вскрывал сущность красоты человека, а вскрывал на основе подлинного интереса к человеку (либановское «это интересно!»), внимания к конкретным фактам биографии писателя или любого анализируемого

¹ Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни... СПб.; М.: Златоуст; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 177.

им персонажа, ощущения неповторимости этого мономаховского «разно-личного образа».

Взволнованность этого интереса проявляется в нравственной афористике кратких лекторских суждений-фраз, которые затем непременно разнообразятся пространными предложениями, создавая ритм постоянного лекторо-слушательского взаимодействия. Однако держит внимание не только эта внешне-стилистическая сторона, но и разнообразие фактов, противоречивость ситуаций, положений, которые преодолеваются приведением к конечным положительным выводам. Вот фрагменты лекции о Жуковском¹:

«Постоянно подчеркивая, что Жуковскому трудно было учиться, учителя от него отказывались, из училища выгнали, мы должны сказать, что, по-видимому, сам он стал очень талантливым педагогом и воспитателем. <...>

Роль педагога-воспитателя огромна. Он не только обучает – он воспитывает. В его руках весь материал, который должен быть обращен к уму и сердцу воспитанника: художественный, философский, религиозный».

Один из приемов, которые мы отнесли бы к области почти бессознательного – это стилистическое crescendo (нарастание): вначале лектор высказывает краткую афористическую мысль, или тезис, а затем развивает его, объясняет, распространяет. Этот прием – очевидное проявление наработанного годами мастерства в развитии и объяснении, комментировании и распространении мысли. Это то, что в латинских риториках называется amplificatio.

Так начинается большинство абзацев в лекции о Жуковском:

Роль религии в его системе огромна. Это не отдельная наука, а средство воспитания, она должна стать жизненным правилом, сливаясь со всеми чувствами (...)

Цель образования в добродетели. Природные качества воспитанника должно развивать «через ознакомление с тем, что он есть и должен быть как существо нравственное и бессмертное».

¹ См.: Т. 1. С. 413–429.

Россия обязана Жуковскому гуманизацией. Он, сын века крепостной России, резко выступал против рабства. Своих крепостных Жуковский отпустил в 1827 году. Осуждая всякое насилие, поэт постоянно заступался за всех гонимых и угнетенных.

И, конечно, разнообразится этот стиль распространительного комментирования постоянным цитированием ярких афористических мыслей самого Жуковского. Здесь уже работает память оратора, которой не знают, как обучить сегодняшнего студента, зато М.В. Ломоносов твердо называл две душевые добродетели – остроумие и память¹:

Царь делал ему замечание, что он, Жуковский, человек двора, не может защищать тех, кого двор преследует. Поэт не возражал, но делал всё по-своему. «Официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта». «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни Бенкендорфом: у меня есть другой вожжатый – моя совесть».

Цитирование артистично вплеталось в речь Либана: всем было ясно, где Жуковский, где царь «Николай Палкин». Эрудиция и память позволяли описывать с интонационно-выразительным цитированием множество конкретных эпизодов – свидетельство ломоносовского совета «удовольствовать обучение примерами»²:

Жуковский заступался за молодого критика И. Киреевского. При встрече с царем пытался за него поручиться, на что получил резкий ответ: «А за тебя кто поручится? Оскорбленный Жуковский прекратил занятия с князем. Какой прекрасный жест! Если нужен поручитель за «певца во стане русских воинов», за автора гимна «Боже, царя храни», ставшего народной молитвой, – это оскорблениe достоинства! Жуковский мог обидеться и остаться с чистой совестью. Не всякий бы осмелился так вести себя с государем Николаем Палкиным! «Ну, пора мириться», – обратился к нему царь при встрече и обнял его. Но Жуковский не остановился на этом

¹ Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. С. 93.

² Там же.

и написал Бенкендорфу: «Ответа не имею... но что надобно было сказать, то сказано» (из письма И. Киреевскому)

Завершает лекцию обобщение, которое также могло бы быть и «вступлением к лекции о Жуковском» (а ведь это классическая риторическая рекомендация: в конце ясно повторить основную мысль, которая высказывалась в начале):

«Жуковский – мастер, создатель красоты. Красивости он избегал и был певцом красоты истинной. Но «певец» – это мало по объему звучания его поэзии. В сущности говоря, лирическая поэзия Жуковского предвосхитила собою лирику начала XX века. Все течения, школы, которые потом возникли: символизм, акмеизм и другие «измы» – есть не что иное, как заимствование или подражание лирике Жуковского».

Подводя итог в перечислении «любимых приемов поэзии» Жуковского (бессоюзие, остановка, недомолвка), Либан дает яркую итоговую характеристику через фигуры олицетворения или одушевления поэтического воздействия на душу читателя:

«Жуковский никогда не утомляет – он очаровывает. XX век в своей поэзии утратил эту нравственно-возвышенную ноту, этот порыв в «невыразимое», «небесное». У Жуковского эта слитность возможна потому, что у поэта все направлено к «цели одной» – красоте мира, которую он видит вокруг себя, и красоте в душе человека. И эта красота звучит в слове, выражая «невыразимое»... (Слушатель должен догадываться, что лектор намекнул на стихотворение Жуковского «Невыразимое», начинающееся строками «Что наш язык пред дивною природой?...»).

Кульминационное завершение показывает, как мастерски вмещаются в одном абзаце и обобщение, и оксюморонный пример, и краткая афористика, и сопоставление с другими писателями, добивавшимися такого же результата:

«(Обобщение) Жуковский стоял выше всех политических идей и социальных ограничений, то есть это не мешало ему быть добрым. (Оксюморон) Он называл декабристов «разбойниками» и заступался за них, просил им пощады. (Краткая кульминационная афористика) Любовь, одна любовь руководила им. Он сердцем чист. Эту чистоту сердца он

пронес через всю жизнь, далеко не легкую! Нигде не пошел против своей совести. Поэту открылось самое большое в жизни – чистота нравственного чувства (а, может быть, как раз эти обращения Либана к чистоте сердца, красоте мира, подлинной любви и есть то, что так держало и привлекало внимание молодых людей, его слушавших?) То, что писателю 50-х годов (Л. Толстому) досталось ценой мучительных противоречий, размышлений, то Жуковскому пришло как откровение, как ощущение, как воздух, которым он дышал. «И этот-то души высокий строй (...) // Он завещал взволнованному миру» (Ф.И. Тютчев)».

* * *

Замечания о языке и стиле Либана постоянно встречаются в воспоминаниях и заметках о нем, но и он сам, говоря о своем учителе В.Ф. Переверзеве, прежде всего отмечает его «слог»:

«Первое, что характерно для Переверзева как писателя (я подчеркиваю – как писателя) – это его слог. Он замечательный стилист (вот и Н.И. использует слово «стилист» – В.А.). Он пишет так, как будто он пишет художественное произведение, а не научное исследование. О нем нельзя сказать, что он скучный. Ты читаешь его с увлечением, с увлечением читателя. Но это читательское увлечение будет научную мысль. Поэтому написанное Переверзевым о творчестве Гоголя – это действительно изумительное художественное произведение¹.

О.А. Остроумова замечает на примере курса «Становление личности в литературе XVIII века»:

«Язык и стиль <...> определяются жанром – живым разговором со слушателем и читателем. В речи Н.И. часто встречаются каламбуры, метафоры, ирония и, конечно же, контраст – излюбленный прием автора. В своих определениях он часто афористичен. Что касается стиля работы, то Либан свободно владеет любым стилем, <...> органично переходя от юмора к патетике. Но главное – по-своему эмоциональному воздействию на читателя «Становление личности» подобно произведению художественной литературы. Либан, обраща-

¹ См.: Т. З. С. 246.

ясь к личному опыту слушателя и читателя, будит его самосознание, способность человека к рефлексии, побуждает его сравнивать свою жизнь, чувства, свои ценности, цели с жизнью героев своих лекций, открывает перед ним новые возможности, вдохновляет. Говоря об одном из героев лекций – Лафатере, Либан восхищается силой убеждения этого человека, “а вся сила убеждения заключена в слове, но не всякому человеку дана сила слова”. Н.И. Либану такая власть дана¹.

Собственно говоря, наша цель – как раз размышление над «силой убеждения» (а искусство убеждения – предмет риторики) и словесными средствами убеждения (предмет стилистики). И здесь трудно отвлечься от научной терминологии, которая требует точности, но если проанализировать тексты Н.И. Либана, то обнаружим, что у него действительно мало терминов, но больше живой художественный язык, не похожий на обыкновение наших лекционных курсов. Поэтому вот какую тайну творчества Либана необходимо нам угадать и описать (если угодно), в наших будущих исследованиях: Либан читал именно лекции, которые лишь метафорически можно назвать «живым разговором со слушателем» – и такой пробуждающей мысли и чувства студента лекционной «методы» больше не было ни у кого; столь же метафорически мы можем сравнивать его курсы с «произведением художественной литературы», но очевидно, что это лишь сравнение, потому что филологическая природа лекции о литературе и сама литература – два разных вида «словесного искусства», и «...филолог не должен быть артистом, ему это мешает ... Впрочем, иногда получается очень хорошо»² (528).

Наслаждаясь стилем изяществом выражения серьезных мыслей и идей, надо отметить особую простоту и философскую глубину научных обобщений Н.И. Либана. Однако принципиально важно КАК сказать, – например, о том, что сферой его интересов были человек и его душа. Либан говорит об этом самоиронически-изящно: «Я всю жизнь только тем и занимался, что пытался влезть в человеческую душу». Лезть

в душу, как известно, неприлично, но оказывается, можно это делать... целомудренно. Поэтому вернемся к сопоставлению методологии научного творчества двух, казалось бы, противоположных ученых – В.В. Виноградова и Н.И. Либана, сравнением которых начата эта статья. Ю.В. Рождественский, заведующий соседней кафедры сравнительно-исторического и общего языкоznания (он, кстати, всегда положительно говорил о Н.И. Либане), писал в «Воспоминаниях школьяра» о своем Учителе академике В.В. Виноградове, чье имя носит Институт русского языка и чей авторитет в филологической науке XX века неоспорим: ««ВВВ никогда не интересовалася личная биография писателя. Для него важен был лишь сам текст. Вмешиваться в факты личной жизни Учитель считал неэтичным и это было самым целомудренным отношением к человеку, которое я когда-либо встречал в моей жизни»¹. Действительно при том, что В.В. Виноградов всю жизнь занимался «образом автора» в художественном произведении, для анализа им брался только текст или слово в эволюции словесной культуры.

Н.И. Либан, напротив, решительно и тактично, просто и целомудренно «вторгался» в биографии писателей и, не опровергая виноградовского метода, смел говорить о **человеке**, анализируя судьбы Жуковского, Пушкина, Лермонтова и других выдающихся представителей русской литературы, и о **тексте**, соединяя комментарий к тексту с обсуждением **высших и вечных ценностей**. Именно о «системе ценностей» в становлении личности как человека Древней Руси, так и человека более позднего, – все его лекции, и человек этот всегда конкретен, обоснован и оправдан «текстом». «...Самое поразительное для современного человека в том, что Либан не только верил, – замечает С.С. Жемайтис, говоря о веровании Либана, – но каждый шаг жизни соизмерял с вечными ценностями»².

Поскольку и в истории литературы, и, тем более в современной массовой культуре, мы постоянно встречаемся с бестактным (для современной массовой культуры оголтелым)

¹ Рождественский Ю.В. Виктор Владимирович Виноградов (воспоминания школьяра) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 53.

² Воспоминания о Николае Ивановиче Либане // Либан Н.И. Избранное. С. 642.

¹ Воспоминания о Николае Ивановиче Либане // Либан Н.И. Избранное. С. 627.

² Там же. С. 528.

вторжением в личный «душевный» мир не только знаменитостей, но и простых людей, надо заметить, что Н.И. Либан нигде не погрешил против такта и деликатности, целомудренного вхождения в мир души другого человека, будь то анализируемый в лекционном курсе писатель или собеседствующий ему ученик.

Велик соблазн обратиться к другим текстам Н.И. Либана, чтобы показать талант мыслителя-стилиста, для которого любовь к русскому слову, русскому человеку, России в ее эволюционно-культурном величии составляла цель и смысл жизни. Прикосновение к каждому тексту этого словесного философа-художника на университетской кафедре (будь это разбор древнерусской повести, или анализ эволюции Пушкина от лицейской «Гавриилиады» до переложения «Молитвы» Ефрема Сирина, или воплощения – не больше, не меньше! – русской идеи в верности Татьяны Лариной) – всё это, по совету самого Николая Ивановича, надо сначала многократно «перечитать», а затем начинать писать... Что писать? – Что-то из серии «Жизнь замечательного человека».

2019

ЧТЕНИЯ. ОБСУЖДЕНИЯ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛИБАНА
К 100-летию со дня рождения. МГУ имени М.В. Ломоносова.
10 декабря 2010

Ведущий – В.Б. Катаев:

Коллеги! Кафедра истории русской литературы, на которой Николай Иванович работал 65 лет, и Вера Львовна Харламова-Либан пригласили вас, чтобы отметить столетие со дня рождения Николая Ивановича. В этом году, как Вы знаете, отмечалось столетие ухода Льва Николаевича Толстого, и хотя мы после этой даты собирались, но надо помнить, что Николай Иванович родился ещё при жизни Льва Николаевича. Уже сопоставление вот этих дат и этих имён о многом говорит. Большая часть жизни Николая Ивановича была отдана Московскому университету и кафедре истории русской литературы.

Я знал Николая Ивановича ещё с первого курса моего обучения в университете. Николай Иванович, и это честь, конечно, для нас огромная, для меня и моих однокурсников, вёл у нас занятия по древнерусской литературе. Вспоминая аспирантские годы, мы в своём кругу Николая Ивановича звали так: Николай Иванович Правдин-Стародум. Вот такие два самых положительных героя в этой бессмертной русской комедии... В каком смысле Стародум? Начало 60-х годов – время такого повального увлечения новейшими течениями в